

Интервью с Андреем Владимировичем МИЛЕХИНЫМ

«В 1987 году мы открыли первый в СССР социологический кооператив»

Милехин А. В. – окончил факультет психологии ЛГУ (1986), Киевскую Высшую школу КГБ СССР (1991), кандидат психологических наук (1995 г.), доктор социологических наук (1999 г.). Профессор МГУ. Президент исследовательского холдинга РОМИР и группы компаний интеллектуальных технологий, вице-президент Гэллап интернешнл, руководитель Центра ситуационных исследований ИСПИ РАН. Основные области научного интереса: Психодиагностика, общественное мнение, потребительские установки и потребительское поведение, методология социологического мониторинга, медиаизмерения. Интервью состоялось: 2015-2016 гг.

Прежде всего замечу, что в летописи моего историко-биографического исследования интервью с Андреем Владимировичем Милехиным – весьма значимо и будет памятным. Оно имеет №140. Я не свободен от влияния магии чисел, «веховые», в пифагорейском смысле, результаты побуждают меня к рассмотрению других «рубежных» результатов.

Опустим все двузначные номера, это все уже давно было, и рассмотрим лишь трехзначные. Интервью №100 было закончено в начале февраля 2015 года. Давно? Как смотреть, ведь все началось на рубеже 2004-2005 гг. Значит потребовалось 10 лет работы, чтобы узнать и зафиксировать для истории нашей науки биографии сотни российских социологов. Когда все начиналось, я не думал о том, что процесс интервьюирования растянется на годы и количество проведенных бесед будет измеряться трехзначными числами.

2015 год, особенно его первая половина, был временем завершения интервью, начатых в 2014 году и ранее. Поэтому количество интервью в моей коллекции росло стремительно: в середине апреля их стало 110, в третьей декаде июня – 120, в начале августа – 130. И конец года я встречал с 135 интервью; последнее из них было завершено в середине октября.

Сейчас – конец первой декады 2016, почему же более, чем за полгода мой архив прирос лишь на пять интервью? Все очень просто: во-первых, во второй половине 2015 года я прекратил начинать новые интервью и, во-вторых, были сложности с завершением давно начатых бесед. В частности, это относится и к интервью с Андреем Милехиным.

Согласно разрабатываемой мною типологии поколений советских / российских социологов, Милехин, относится к когорте V, которую образуют родившиеся в интервале 1959–1970 гг. Когда я начинал свой проект, младшим представителям этой профессионально-возрастной страты было немногим за 30, старшие – разменяли свой пятый десяток. Принимая во внимание природу, направленность моего проекта, я, естественно, в первые годы работы стремился к беседам с коллегами старших возрастов, прежде всего – из первых трех поколений. И лишь в начале 2013 года открыл счет интервью с социологами V поколения; интервью с Милехиным – 21-е с представителями этой общности.

С уверенностью можно сказать, что это поколение уже сложилось и занимает видное место в изучении проблем современного российского общества и в подготовке социологов новых генераций. Так, среди опрошенных мною представителей V поколения 15 обладателей степени доктора наук, 6 – кандидаты и один человек, решивший в принципе (пока) на завершать свое кандидатское исследование. Несколько человек – имеют степень Ph.D., полученную в европейских университетах. Многие являются профессорами, в том числе – с опытом преподавания за рубежом. Теоретическое рассмотрение процесса развития социологии в СССР и в новой России, а также изучение биографий социологов 7 поколений несколько лет назад привело формулированию ряда положений, которые вместе образуют основу поколенческого-функционального подхода к истории отечественной социологии. Его суть заключается в признании того, что каждое поколение призвано решать присущую ему доминантную функцию.

В этой общей схеме за V поколением закреплена функция «обогащения парадигматики и методологии» социологических исследований, сложившихся еще в советское время. При всей уникальности биографии и научного пути Андрея Милехина, можно утверждать, что проводимые им и под его руководством исследования рынка и поведения потребителей, общественного мнения, система используемых в возглавляемом им холдинге РОМИР исследовательских технологий безусловно являются инновационными и обогащают опыт советской социологии. Более того, многое из его разработок востребовано на западе, что в частности выражается в избрании Милехина в мае 2015 года вице-президентом глобальной ассоциации исследователей общественного мнения и рынка «Gallup International».

Милехин А. В. : «В 1987 году мы открыли первый в СССР социологический кооператив»

Андрей, мы давно знакомы, да и о жизни своей ты мне многое рассказал 30 апреля 2011 года, когда мы ехали из Петербурга в Москву на «Сапсане»: 4 часа, комфортная среда. Потому не буду задавать тебе вопросы типа откуда и когда, а просто попрошу тебя несколько уточнить и расширить рассказанное тогда мне. По-моему, родился ты в начале 60-х в Казахстане, среди твоих предков – русские и казаки. Так ли это? Что ты знаешь о прошлом своей семьи?

Борис, я-то знал тебя еще со студенчества по учебникам. А увидел впервые в Звенигороде на Школе молодых социологов в 1987 году. Это был звездный состав лекторов, фантастическая профессиональная атмосфера, невероятный глоток свободы. В какой-то вечер мы поймали тебя в коридоре и весь вечер обсуждали проверочные шкалы в анкетах, интеграцию опросных техник и психодиагностики.

История моей семьи грустная и символичная. Я родился в Караганде. С одной стороны Карлаг (читай Солженицына), с другой, невероятно яркие люди и теплые отношения. Полная мешанина военных, ссыльных второго поколения, шахтеров, космонавтов, интеллигентов. Русские, татары, немцы, чеченцы, корейцы, казахи. Бесконечная, душистая и суровая степь. Летом до плюс 40, зимой минус 40 с буранами.

Классическая советская семья: бабушка – полковник, мама – учительница, папа – инженер. Меня растила бабушка, строгая и мудрая. Летом возили к прабабушке и прадедушке в Москву, на дачу в Сходню. Но, категорически нельзя было спрашивать про историю, были какие-то родственники, связи с которыми никак не укладывались в моей детской голове.

Поэтому, когда лет в тридцать я узнал, что при рождении имел другую фамилию и отчество, меня это не очень удивило. Стало понятно, что близкие мне мужчины, заменили мне погибших, ушедших кровно родных. Все четыре поколения мужчин по всем линиям сгнули в нашей трагичной истории. Только лет в сорок мне удалось найти два корня. Удивительно, как похожи были старые фотографии прадедов. Один – ротмистр Полтавского казачьего полка, внук младшей сестры Гоголя Марии, а второй – из сводного Семиреченского казачьего полка. Последнее письмо от первого было в конце двадцатых из Канады, второго, примерно тогда же, из Китая. Поэтому, пережившие войны и революции, оккупацию и репрессии, голод и страх, потерявшие мужей, отцов, детей, женщины моей семьи так пытались оградить меня от этой страшной истории.

Твоя юность крепко связана с баскетболом, начинал в местных юношеских командах, а затем был приглашен в легендарный ленинградский «Спартак», который тогда тренировался в разрушенной позже церкви на ул. Марата, недалеко от Невского проспекта. Пожалуйста, расскажи об этом периоде жизни, спорт ведь определил и твое будущее – психологический факультет ЛГУ. Но о студенческих годах мы поговорим ниже.

Сколько себя помню, всегда был в спорте. Дед демобилизовался, и мы переехали в Калугу. Я плавал, играл в шахматы, стоял на воротах в футболе и хоккее, прыгал в высоту, занимался дзю-до. Баскетболом стал заниматься поздно

да еще в провинции. Сборную РСФСР уже набрали, меня пригласили подставным играть за Белоруссию. Жил пару месяцев в Минском интернате олимпийского резерва. Собирался поступать в БГУ. Но тут пригласили в ленинградский «Спартак». Застал великого Кондрашина. Спорт был, как сейчас говорят, социальным лифтом. Даже имея отличный школьный аттестат, а у меня было 4,8, поступить на психфак ЛГУ было из раздела фантастики. Но тут на факультете открыли специализацию спортивная психология, где брали только мастеров спорта. А я был хоть и не в таком звании, но из команды мастеров. Правда, как поступил, сразу перевелся на социальную психологию. Да и профессиональный спорт пришлось через полгода закончить, совмещать его с учебой было практически невозможно. Играл за Универ, а тренировались мы во дворе здания двенадцати коллегий, там Попов радио испытывал, и в душе всегда была ледяная вода.

Интересно, что дальше спорт связан с детьми. Со старшим сыном закончил парусную школу, ходил на регаты, зима-лета — мы в лесу на снегоходах-квадриках. А сейчас держусь за младшим, он профессионально играет в гольф. Здесь для меня открылся целый мир, философия, образ жизни. Лучше остановлюсь, это тема бесконечна.

Когда ты поступил в ЛГУ? Скорее всего, ты застал время, когда кафедра социальной психологии ассоциировалась с именем профессора Е. С. Кузьмина и его команды: Анатолия Свенцицкого, Виктора Бойко, Аллы Русалиновой и других. Что тебя привлекло в этой науке, с кем ты общался наиболее тесно?

Я поступил в 1981 и застал дух Ананьева. Удивительно, но огромное количество великих ученых работали в Питерском университете, начиная с Бехтерева, Павлова, Сеченова, Вагнера, продолжая Мясищевым, Ломовым и многими другими, но поклонение Ананьеву было запредельно.

Деканом был Крылов, только что эмигрировал Веккер, но читали общую Ганзен, матметоды Суходольский, общую Палей и Лоскутов, дифференциальную Рыбалко, зоопсихологию Трошихина, педагогическую Кузьмина.

Социальная кафедра была огромной, немного в стороне и над ней махина Кузьмин. Помню Свенцицкого, Семенова, Куницыну.

Я был странный студент. Продолжал играть в баскетбол, первый год жил то на сборах, то в общежитиях (питерские общаги — это отдельная тема), в 18 женился, в 19 родился первый сын, семья в другом городе, бесконечные поезда, электрички. На лекции не было ни времени, ни сил. Да и на слух я плохо воспринимал. Все «общеобразовательные» предметы просто игнорировал. С первого курса считалось что у меня индивидуальный график, а в реальности, были отличные отношения с отделом координации. Поэтому, все полезное для нас стояло в расписании со вторника по четверг после обеда. Все остальное утром и вокруг выходных.

«Ненужные» предметы сдавал досрочно. Садился в ночь перед экзаменом с учебником и программкой, утром выдавал зачет или 4/5. Был рекорд — два экзамена и четыре зачета в день.

А вот практические и лабораторные по психологиям было моё. Занимался фанатично. Да и дух факультета — направленность на практику — тому способствовал.

После второго курса у нас открыли новую специализацию — юридическая психология. Я туда сразу перешел. Там была сплошная психодиагностика, с нами занимались реальные эксперты, было много практик. Научный руководитель у меня была Курбатова Татьяна. Подготовкой диплома занимался три года. «Психодиагностика агрессивного поведения». Помимо сложной методологической части, была адаптация и валидизация батареи тестов Hand-test, РЕН Айзенка и Люшер на выборке 300 испытуемых по четырем экспериментальным группам. В дополнение, тысячная выборка Айзенка. Фактически, моя кандидатская диссертация была мною подготовлена через десять лет на основе студенческого диплома.

Но защита диплома мне запомнилась навсегда. Меня поставили последним, собралась почти вся факультетская профессура. Я был настолько глубоко в материале и уверен в своих знаниях, что, видимо, мой доклад показался нагловат. Пошли вопросы — почему мало советских классиков, кто дал новое определение агрессивности и т.п. Я начал огрызаться и пытался вернуть внимание на практическую часть. Но выводы, что агрессивность есть особый вид активности и только социальная направленность определяет пользу или вред для общества, а также экспериментальный факт, что комсомольские активисты по этой шкале имеют примерно такие же показатели, как несовершеннолетние осужденные по насильственным статьям, очень возбудило часть присутствующих. Закончилось это уже на втором часу защиты криками вышеупомянутых классиков: «Как мы его до пятого курса не рассмотрели?» и «Он так и фашистов оправдает!»

В общем, стоял я за дверью, комиссия гудит, однокурсники поддерживают, а я уже в душе на два года в армию собрался. При абсолютно всех пятерках по психологии за диплом дали тройку. Типа, пожалели. Но и мне был урок — важно не только что говоришь, но и как. В общем, чуть случайно не оказался диссидентом.

Зная тебя, я допускаю, что ты недолго унывал... Каким был твой следующий шаг?

Вспоминая то время, мне еще подростком казалось, что у активного мужика было три карьерные линии: комсомольско-партийная, хозяйственная и военная. Я секретарем обкома или директором завода себя не видел, а вот пример деда-героя был всегда перед глазами. Да и кровь казачья бурлила — служба. Но быть военным, вечно к чему-то готовиться, ощущая свою каждодневную ненужность, мне не хотелось. Была романтика разведки-контрразведки. Это повлияло на выбор факультета и специализации.

На втором курсе мне дали ориентир, учись, ты нам нужен, призовем. Тем и жил. Поэтому, несмотря на перспективные распределения, уехал в Калугу, где была семья, думал — какая разница, через пару месяцев будет служба.

А завяз там на три года. «Вдруг» выяснилось, что для призыва нужен стаж два года, жилья нет, я ассистент кафедры педагогики и методики начального образования провинциального педа с окладом 99 рублей, двухмесячными колхозными выездами на картошку и 1500 часами нагрузки.

Да, и что? Что же ты предпринял? Как разрубил этот узел?

Спасает работа. Через год помимо педа, я стал старшим научным сотрудником НИСа, преподавал в институте усовершенствования учителей, ездил по предприятиям от лекторской группы обкома, вел кружки юного психолога

и социолога в обществе «Знание», проводил судебно-психологические экспертизы. В общем, практически монополизировал область прикладной науки. При этом, продолжал остервенело учиться — поступил в первую аспирантуру, окончил вечерний университет марксизма-ленинизма по международным отношениям, курсы по стенографии и скорочтению и т.п. Через год родилась дочка, так что надо было утром завести сына в сад, а днем забежать на молочную кухню за детским питанием для малышки. Сейчас не очень понимаю, как я тогда сжимал время, помню только большой портфель с бумагами, книжками, журналами, бутылочками с кефиром, а дома — огромную ценность — печатную машинку. И перебежки по городу, благо центр Калуги был компактный и красивый.

Там же мы с партнерами открыли в 1987 году, я думаю, первый в СССР, социологический кооператив. Напомню, в конце 86-го был принят закон о кооперации, который дал старт советскому предпринимательству. Занимались консультированием, проводили исследования, тренинги, разрабатывали игротехнику, внедряли социальные технологии от выбора директоров до управления текучести кадров и внедрении службы внимания. Провели даже несколько международных конгрессов по конфликтологии. Была шальная мечта — сделать Калугу русским Оксфордом или подмосковным Кембриджем. Очень хочу назвать моих партнеров, а в силу того, что я был их в полтора-два раза моложе, практически учителей — Андрея Кирилловича Зайцева, Валеру Головкина, Юрия Барклянского, Юрия Зельникова.

При этом, я еще проводил инициативные исследования по молодежным проблемам — в то время активизировалась подростковая преступность, по группировкам центра России и Поволжья. Издавал книжки, в частности по телефонным опросам и эффективным коммуникациям.

Думаю, что гнала меня вперед не только мечта и амбиция, а еще и фрустрация. Через пару лет я зарабатывал столько, что высыпая из портфеля деньги в большую бельевую тумбу, я никак не мог ее закрыть. Но был разгар эпохи дефицита. Без блата и с вечным цейтнотом мы жили вчетвером в 12-метровой проходной комнате, и на завтрак был хлеб с маслом и кофе из цикория.

Один уточняющий вопрос: «Похоже, что ваш кооператив в Калуге был одним из самых первых в СССР?». Поскольку я изучаю историю становления независимых аналитических структур, пожалуйста, укажи, как ваше детище называлось, долго ли кооператив просуществовал и кем были ваши первые заказчики. Подобный цейтнот не мог продолжаться вечно, что последовало после твоей работы в кооперативе?

Я думаю, первым. Мы сразу после принятия закона «О кооперации» подали документы. Летом 1987 в Калужском горисполкоме, используя служебное положение (секретарем была моя студентка/заочница/двоечница) для ускорения процесса, я получил документы на кооператив «Потенциал». Первыми клиентами были местные предприятия, СМИ, минтруда, Чернобыльский комитет, что-то атомное (тренинги проводили в Обниске на базе их отраслевого института).

После моего ухода партнеры переименовали кооператив в Калужский институт социологии — КаИС.

Прошло два года в Калуге. Несмотря на загрузку и темп, было тесно и все более душно — бежал-то я от себя. Ждал, что Родина призовет. И меня вызвали в июне 88-го в местное управление КГБ. Помню хорошо этот день, было тепло и очень солнечно. Мне сказали: «Не возьмем». Ничего не объяснили, но и так было понятно, слишком нестандартная биография. Неблагонадежен.

Враз все цели осознанной жизни вдребезги. Десять лет мечты, учебы, работы. Не было запасного плана.

Ничего, мужика работа лечит. Запахал еще глубже. Из Калуги надо было бежать. Провинциальность накрывала серой мглой. В Москву.

Зайцев чуть ли не силой отправил меня в Звенигород в Школу молодых социологов. Там-то я тебя, Борис, первый раз и увидел. Я писал об этом в предисловии к твоей книжке о Гэллапе 2011 года.

Мы с Борисом знакомы давно. Хотя он об этом не знает. Я думаю, он считает, что в переписках и мимолетных встречах мы с ним лет десять.

1987 год. Под Звенигородом проводится какая-то школа молодых социологов. Организатор — Высшая комсомольская школа при ЦК ВЛКСМ. Я как-то случайно там оказался, был только вот молодой, а так и не комсомольский активист, да и к социологам после питерского психфака себя не относил (у нас вообще от психологии личности через социальную психологию сразу в философию уходили). Но, оказался. Если и был у меня глоток перестройки, то этот был первый и вздох. Помимо ярких, живых коллег с Урала и Новосиба, Украины и Туркмении, других полей и весей, в этом празднике живой науки и явной антисоветчины участвовал практически весь цвет советской социологии — Грушин, Коробейников, Шереги, Фирсов и Докторов (извините, кого не вспомнил). Из лекторского зала, через буфет в холлы общежития и обратно трое суток бродила без сна возбужденная разговорами о профессии толпа, изредка беря передышку на песни «Наутилуса» (первый раз тогда услышал «Скованные одной цепью»). Говорила, говорила, говорила. Мэтры исчезали в Москву, иногда уединялись на коньячок (мы были демократичнее), а вот питерским светилам ехать было некуда и одной ночью мы как-то окружили Докторова. Я хорошо помню тот разговор. Мы говорили о применении техник психодиагностики в массовых опросах. Для меня это было казус-белли. Оказывается мои университетские знания и практика работы совместима. Именно после этого я определился с предметной областью, мы с партнерами открыли первый социологический кооператив (от чего сейчас отсчитываем историю холдинга Ромир) и я защитил свою первую диссертацию примерно на эту тему.

Так что автор мне дорог и я ему должен. Ношу это давно. Думаю, не я один. У Бориса удивительная судьба, он хоть и автор, вполне достоин собственной биографической книги. Сколько людей он продолжает вдохновлять, будировать и стыдить своей зрелой и искренней активностью! Даже находясь далеко за большими океанами. Уверен, кто впервые прочитает его труд, будет читать его предыдущие работы и ждать следующие.

Я пошел на отбор от Института социологии на стажировку в Манчестерский университет. Поступил уже в третью аспирантуру, наконец, по психологии, в МПГИ к Ю. Забродину (на тот момент президенту общества психологов). Начал читать лекции в АОН при ЦК КПСС. Учиться не брали, нужно было партийное

направление, но Деркач Анатолий Алексеевич тихо приглашал вести мастер-классы. Странно, я был раза в два моложе этих дядек и теток. Но они тоже просыпались. Время было такое — казалось, что рассветет! Ускорение и Перестройка.

Что ты искал в аспирантурах, почему — «третья»? Ю. Забродина я немного знал по Ленинграду, он занимался инженерной психологией, быстро рос... Ты тоже включился в разработку этой проблематики?

С аспирантурами история путанная. Вначале поступал туда, куда звали и где были возможности. Специальности были от педагогики и философии до социологии и позже оперативной психологии. В итоге, числился в пяти.

К Забродину меня отправил Деркач. В АОН он меня взять не мог, там было нужно направление обкома, а в МПГИ им. Ленина я поступил по совокупности работ и сданных ранее экзаменов. Был готов к перемещению в Москву, маячила стажировка за рубежом, но... Позвонили, спросили не передумал Родине служить, я ответил — готов. Видимо, в 1989 уже пошел недобор, или процесс демократизации. Прошел медкомиссии, тут же вызвали в партком с вопросом: почему в партию заявления не подал? В один день приняли кандидатом. И я уехал в Киевскую высшую школу КГБ.

Андрей, может я за 20 лет «нюх потерял» и начну задавать тебе вопросы, на которые тебе нельзя отвечать, да к тому же американцу.... потому в свободной форме расскажи, как долго ты был в Киеве (не удивлюсь, видя твои приключения, если ты до него не доехал), прирастил ли знания и умения?

Прошло 25 лет, другая страна, мир другой. Про то, что нам под подпиской рассказывали в защищенных помещениях, через пять лет можно было читать в Аргументах и фактах.

Но тогда все было серьезно. Это реально была отобранная и сильно мотивированная элита. Такого количества настоящих мужиков я больше не видел нигде. Я в ней смотрелся немного инородно — психолог, снс, аспирант, кооператор, первые партвзносы по предыдущему доходу были больше немаленькой зарплаты слушателя-офицера. Ощущения были очень противоречивые. С одной стороны, системное и интенсивное привитие навыков, все преподаватели с глубокой практики, нереальная жажда знаний и деятельности, с другой, а библиотеки-то по нашей епархии пустые. Теоретическая специальная психология и социология допотопны.

Я там сразу оказался «свадебным лейтенантом». Меня пригласили на волне демократизации в Ученый совет. Картина была яркая — посередине огромный настоящий генерал, рядом я с двумя маленькими звездочками и туча полковников вокруг.

Параллельно с учебой, я что-то начал читать, перевелся в Московскую высшую школу КГБ в заочную аспирантуру, умудрился выпустить несколько книжек под грифом. После окончания прошел все ступени оперативной работы, пережил семь реорганизаций, считал, что карьеру можно сделать только снизу.

Дальше история грустная, страна рушилась, мы пытались служить. Нас просто предали и выбросили. Из моих однокашников и сослуживцев 90-е прошли на службе немногие. Мне трудно себе в этом признаться, но зря я туда тогда пошел. Это была уникальная школа и закалка, и без этого я был бы не я. Но это был тупик, рыба сгнила с головы, а мы потеряли — кто годы, а кто и жизнь.

И что, жизнь по-новой? Давай, определимся, какой это был год? Что стало главным в профессиональном плане?

Странное и страшное было время. Все ломалось, страна, служба, семья.

Меня с третьего раза откомандировали в Москву. Мне казалось, что надо служить, нельзя бросать коллег, надо пройти все испытания. Но, видимо, звезды как-то сошлись. Меня приказом самого высокого чина откомандировали в аспирантуру Российской Академии Государственной службы при Президенте РФ на кафедру акмеологии и политической психологии. Я был первым и последним опером, откомандированным в гражданскую аспирантуру. Наверху была идея делать сеть по прогнозированию социальной напряженности. Но меня практически сразу забыли, да и я сразу потерял связь. Шли тотальные перемены, люди менялись, МБВД, ФСК, АФБ, МГБ. Я уже не понимал, где я числюсь. Надо было выживать и добить кандидатскую. Спасибо Деркачу Анатолию Алексеевичу. С его поддержкой перезачел все свои минимумы и за полтора года дошел до защиты. Там же открыл хозрасчетный центр при РАГС. Делал опросы, проводил аттестацию и формирование резервов городских и областных администраций, писал должностные инструкции для Сбербанка, читал лекции, вел семинары. Открыл психоаналитическую практику. Надо было выживать.

Раз мы говорим, значит, ты выжил. В 1995 году ты защитил кандидатскую диссертацию по психологии; это была общая, социальная или политическая психология? Что удалось показать?

По коду, кажется, политическая психология. Кафедра вообще была уникальная. Кроме Деркача, Яблоковой, Анисимова, там на заседаниях и защитах присутствовало порядка 20 академиков, включая Климова, Бодалева, Абульханову-Славскую и др. Фактически, это было логическое продолжение дипломной работы — интеграция методов психодиагностики и социологии для прогнозирования социальной напряженности.

Что потом? Ты стал сдвигаться в сторону социологии, опросов... когда ты основал Мониторинг.Ру, как возникло это название?

Между защитой диссертации и основанием группы компаний МОНИТОРИНГ.РУ было пять лет. Это был яркий и тяжелый период выживания. Общежитие заканчивалось, Родине ты не нужен, центр при РАГС был в тупике — всю прибыль нужно было отчислять куда-то. Преподавательская деятельность, консалтинг, психоанализ и разовые исследования рынка никак не вселяли материального оптимизма. Правда, было много ярких встреч и интенсивная школа бизнеса. Не могу не вспомнить Паникина Александр Степановича. Ярчайшая личность, один из первых российских предпринимателей, основатель холдинга ПАНИНТЕР. Считаю его одним из своих учителей, хотя вроде бы я его год консультировал. Был сплав моих теоретических знаний и агрессивности с его уникальным чутьём и авантюризмом. Успел даже поработать в «Останкино»,

участвовал в разработке и вел небольшую рубрику на Первом канале в программе Киры Александровны Прошутинской «Мужчина и женщина». Активно участвовал в «Пресс-клубе», кстати, именно там на наше исследование Горбачев произнес летучую фразу: «Знаю я Вашу социологию, Раиса Максимовна тоже ...!»

И тут разовая работа по исследованию аудитории программ первых частных независимых студий – АТВ, ВИДа и РЕН-ТВ привели к серьезному разговору с Малкиным Анатолием Григорьевичем. Он предложил открыть совместную компанию с Ассоциацией независимых телекомпаний для измерения телеаудитории. Так моими партнерами стали Малкин, Листьев и Лесневские. Им удалось привлечь небольшие инвестиции, и мы уже в 1995 году запустили первую в России и Восточной Европе пипл-метрию. Это компания имело странное название – НИСПИ. Но переводилось все понятно: Новый (через год Национальный) институт социально-психологических исследований.

Тяжело нам далось формирование прозрачного медиаизмерения и медиапространства. Но это отдельная большая тема.

Далее я открывал на новые направления, новые компании с новыми партнерами – АИСТ, АРПИ и Мониторинг.ру. Идея последней фирмы родилась в желании измерять интернет. Партнеры были гениальные: Сергей Чесноков и Тема Лебедев. Он, кстати, и предложил концепцию, сделал уникальный сайт.

Но вскоре стало понятно, что независимые измерения медиа и политики никому не нужны и даже опасны, а для исследований рынков нужны другие ресурсы и подходы. В 2000 году я предложил партнерам объединить все компании в группу Мониторинг.ру, что мы и сделали 5 декабря.

Что стало главным направлением в деятельности Мониторинг.ру?

Основным направлением стали маркетинговые исследования. Не то, чтобы мы отказались от медиаизмерений и электоральных замеров. Просто там независимые измерения перестали быть востребованными, а встраиваться в новую систему как-то уже не хотелось.

В 2002 году было слияние Мониторинга и Ромира, который на тот момент возглавляла Башкирова Елена Ивановна. Но через два года стало ясно, что общего будущего нет. Развод был болезненным, но как-то сплотил команду. В 2005 году у нас был уже двухкратный рост.

Когда ты защитил докторскую диссертацию и по какой теме?

Если с аспирантурами была долгая история с поиском себя, сменой городов и тем. То с докторской ровно наоборот. В апреле 1999 товарищ практически случайно познакомил меня с Волковым, проректором Академии труда и социальных отношений (бывшая профсоюзная школа). Он увидел объем и направление наших работ и предложил защищаться ровно по нашей специализации – Социологический мониторинг. А через полгода, в ноябре я уже защитился. Совет был большой и позитивный, закончил защиту под аплодисменты. Просто материал был обширный и свежий.

У тебя большой преподавательский опыт, сейчас ты где-либо преподаешь, если «да», то какие курсы?

Более пятнадцати лет я преподавал, горжусь списком университетов и академий, в которые меня приглашали. Читал все больше психологию. Начинал от практически всех базовых курсов и постепенно перешел к авторским.

Тем не менее, был большой перерыв. Где-то с 2008 как-то остыл, надоело читать одно и то же, а смотреть в аудиторию потухшими глазами нельзя. Да и работы было достаточно.

Пару лет назад активизировал свою научную деятельность, возглавляю Центр ситуационных исследований у Осипова Геннадия Васильевича в ИСПИ РАН. Но вот интересно, именно в этом году начали активно приглашать меня и моих коллег вести мастер-классы в профильных ВУЗах и факультетах университета. А месяц назад, после моей работы на ГЭЖе, пригласили на профессора в ВШССН МГУ. Больше четверти ставки не осилю, но хочется быть полезным, присмотреть будущие звездочки среди бакалавров и магистров, подпитаться студенческой энергией.

Андрей, на состоявшейся в мае 2015 года в Дублине 49 ежегодной конференции Gallup International Association ты был избран вице-президентом этой старейшей международной ассоциации аналитиков общественного мнения и рынка. Впервые российский исследователь занял столь высокий выборный пост. Задам тебе несколько вопросов по этой теме.

Gallup International Association (GIA) была создана в далеком 1947 году по инициативе и при самом активном участии Джорджа Гэллапа. Он был избран первым Президентом GIA и руководил ею до своей смерти в 1984 году. Все начиналось с 11 организаций, представлявших 11 стран. Сколько сейчас стран объединяет GIA, какие основные проекты и программы осуществляются сейчас странами, входящими в GIA?

Действительно, Gallup International – старейшая и крупнейшая исследовательская ассоциация в мире, прошедшая несколько непростых этапов развития. Основателей уже с нами нет. Несколько лет назад ушел младший сын Дж.Гэллапа – Алек. Это те, кого я еще застал. Кстати, и из компаний-основателей остались только австрийский Gallup и итальянская Doxa.

В конце 80-х после смерти Джорджа Гэллапа из Gallup International вышли американцы после попыток взять ассоциацию под свой контроль. Многих поглотили глобальные компании, кто-то обанкротился или не смог передать дело последователям. Внутри Gallup International Тони Каулинг (Tony Cowling) фактически создал TNS, скупив за десяток лет региональных партнеров GIA. После продажи TNS холдингу WPP около сорока компаний, принадлежавших сети, были исключены из Gallup International. Таким образом, ассоциация наполовину обновилась. РОМИР, представляющий Россию и постсоветский регион с начала 90-х годов, стал одной из старейших и авторитетнейших компаний ассоциации.

Сейчас Gallup International объединяет более 80 компаний, которые эксклюзивно представляют свои страны. Фактически покрытие сети охватывает более 90% населения планеты. Около пятидесяти компаний имеют полное членство, остальные – ассоциативное или статус кандидата. При этом в сети

существует своего рода антимонопольное право, направленное против попыток доминирования. Одна группа акционеров может иметь представительства не более чем в пяти странах.

Сегодня Gallup International – это фактически крупнейший по количеству стран, демократический по форме управления и профессиональный по подходам клуб мировых исследователей.

Основная идея, заложенная еще Джорджем Гэллапом, поддерживается через проведение независимых мировых опросов «Глас народа» (Voice of the people) и «Конец года» (The End of Year). Кроме того, партнеры сети регулярно обмениваются опытом, технологиями, методиками, рекомендациями, как в рамках ежегодных конференций, так и посредством ежемесячных вебинаров и новостных рассылок.

Пожалуйста, расскажи немного о Дублинской конференции GIA. Что было ее главной темой?

Главной темой конференции в Дублине была трансформация исследований. Мы оказались в эпицентре изменений, которые идут сразу по нескольким векторам. С одной стороны, это технологические возможности. Когда я начинал свою деятельность, телефонный опрос считался экзотикой. Не было ни интернета, ни сетевой торговли, ни мобильной связи. Данные из регионов пересылались по факсу. Сейчас редкостью становятся личные опросы и face-to-face интервью. Да и вообще при наличии Big Data сбор информации перестает быть основной функцией исследователей.

С другой стороны, продолжается глобализация исследовательского рынка. Двадцать лет назад существовало порядка 30 мировых исследовательских сетей, а сейчас осталось фактически четыре. Но они контролируют почти половину рынка исследований, ряд стран в данной сфере ими полностью колонизирован.

Но главное – это изменение психологии, экономики, ценностей землян. На фоне до сих пор голодающего миллиарда на вершине пирамиды Маслоу появляется миллиард, полностью решивший проблему поддержания гомеостаза и обладающий свободным временем. Вопрос в том, что делать с этим свободным временем в таком объеме? Опыта у человечества нет.

И, в конце концов, меняется геополитическая конфигурация. С появлением интернета информация окончательно стала глобальной: ее невозможно контролировать, скорость ее распространения измеряется секундами, поле воздействия – весь земной шар.

Параллельно идет экономическая регионализация, самый яркий пример которой европейский рынок. Однако часть стран никак в эту тенденцию не вписывается, например, Россия или Турция. Своих ресурсов не хватает, договороспособность ограничена.

При всем этом, политика остается локальной, количество стран продолжает расти. Сто лет назад их было на карте 90, сейчас более 200. Все это вызывает новые противоречия, ставит перед человечеством новые вызовы. Такие изменения обеспечивают поле для работы не только политологам и философам, но и исследователям и маркетологам.

Андрей, как проходили твои выборы на должность вице-президента GIA?

Мне до этого несколько раз предлагали выставить свою кандидатуру, но все время чего-то не хватало — то времени, то мотивации. 2014—2015 годы для России на международной арене были непростыми. Прямо перед форумом коллеги опять сделали мне предложение войти в правление Ассоциации. Это показалось мне символичным. Несмотря на отсутствие времени для проведения «избирательной» кампании, я чувствовал поддержку соседей.

Наш неформальный регион Центральной и Восточной Европы благодаря недавним историческим событиям обзавелся значительным количеством стран. В условиях демократического голосования это дает преимущество, так называемый, эффект «Евровидения». Да и другим регионам нужны были наши голоса.

Процедура голосования была «закрытая», но впервые были даны фамилии избранных без указания количества набранных голосов. На первом же заседании правления председателю был задан вопрос: «Почему публично не объявлены результаты в голосах?» Ответа мы так не получили, но члены счетной комиссии поделились информацией о том, что мой коллега из Болгарии Кынчо Стойчев и я набрали большинство голосов.

Какие функции, какие обязанности возложены на тебя как на вице-президента GIA?

Как и раньше, я продолжаю координировать работу ассоциации в регионе Центральной Евразии, пытаюсь, кстати, привить это определение для постсоветских стран. Проблем в регионе достаточно. В силу небольших рынков исследовательским компаниям нашего региона сложно быть финансово самостоятельными и независимыми как от глобальных сетей, так и от государства. Некоторым сложно платить взнос, участвовать в ежегодных инициативных проектах и конференции. Прямой бизнес через ассоциацию на небольшие рынки также идет нечасто. Тем не менее, уже при моей координации мы восстановили членство Грузии, заменили компанию в Украине, приняли Литву, Латвию, Эстонию, Армению, Азербайджан. Сейчас в приоритете республики Центральной Азии.

Кроме того, я участвую в работе комитетов по методологии и продуктам для членов Ассоциации. Недавно приключилась интересная история. Обработку наших совместных исследований обычно берет на себя какая-нибудь опытная компания. В этом году вызвались коллеги из Великобритании. Перед анализом они решили согласовать с правлением новый региональный классификатор. Но сделано это было либо непрофессионально, либо предвзято. Основная проблема заключалась в том, что при формировании регионов были предложены разные основания.

Приведу лишь несколько примеров. В обосновании формирования европейского региона было предложено учитывать членство в Евросоюзе. Соответственно, Норвегия и Швейцария из этого региона выпали. Вторая европейская корзина выглядит просто смешно. Что объединяет Исландию, Косово и Россию, кроме отсутствия членства в Евросоюзе?

В других регионах тоже хватает парадоксов. Например, МЕНА очерчивается Лигой арабских стран, и еще туда включается Израиль. В Западную Азию включены Афганистан и Азербайджан. И я не понимаю, что вообще может объединять эти страны. Или Турция и Иран — это вообще два разных мира, этноса, империи.

А Восточная Азия, похоже, сформирована по принципу «все остальное». Поэтому в одной группе оказались Китай (сам по себе уже регион), Австралия и Папуа Новая Гвинея. Пришлось читать коллегам целую лекцию и отстаивать позицию.

Предложил несколько подходов деления:

1. *Географический*. Есть континенты и части света, но просто взять пять не получится. Мексика и Латинская Америка по многим основаниям тяготеют к Южной Америке. Мы видим разделение Африки. Нужно, хоть и очень трудно, разделить Азию на 3–4 региона. Большая проблема с Европой. Проблему обоснования восточной европейской границы мы имеем со времен распада Византийской империи. Еще в начале 19 столетия граница Европы заканчивалась на Польше. Сейчас она географически отодвинута до Уральских гор и находится внутри России.

2. *Исторический*. Существовало тысячелетиями много государств и империй. Внутри происходило множество интеграционных процессов. Это наследие влияет через языки, традиции, образ жизни на население до сих пор. И это древнейшие государства: от финикийцев, иудеев, египтян и греков, Византийской, Римской империи, Карфагена, империи Чингисхана – до оставивших огромные следы Венеции, Генуи, Португалии, Испании, Нидерландов, Франции, империй Османской, Британской, Российской, Австро-Венгерской. Понять психологию многих народов можно, только понимая исторический путь формирования этносов.

3. *Этнический*. Не буду углубляться, здесь можно взять существующие классификаторы.

4. *Языковой*. Предельно просто для одних государств, но очень сложно для других. Например, в Дагестане (республика в составе РФ) около 40 языков и 120 диалектов. До какого уровня дробить? Да и зачастую возникает несостыковка с географией.

5. *Экономический*. Идет процесс формирования экономических макрорегионов, есть целый ряд уже оформленных макрорынков.

6. *Политический*. На мой взгляд, самый скользкий и конъюнктурный путь.

7. *Религиозный*. Вряд ли может быть основным, но для ряда задач вполне применим.

На примере Российской Федерации покажу, как разные основания формируют различные региональные группы.

1. Географически с Россией как раз возникают сложности. Формально граница между Европой и Азией пересекает страну. Большая часть территории в Азии, а населения – в Европе. Поэтому Россию можно вместе с рядом европейских стран считать Восточной Европой, а можно с другими – Центральной Евразией.

2. Исторических оснований тоже несколько. Начиная от скифов и государств древних славян и заканчивая империей Чингизидов, Московии, Российской империей и Советским Союзом, порядка 15–20 нынешних политически независимых государств веками находились вместе.

3. Этнически в России пока преобладает славянское население, поэтому логично объединение с Польшей, Чехией, Словакией, странами бывшей Югославии, Болгарией, Украиной и Белоруссией. Но часть населения тюрки. Они близки к народам Центральной Азии, наши буряты и якуты — ближайшие родственники монголов. И, наоборот, в Российской Федерации на востоке есть Еврейский национальный округ, а в Израиле — более 40% населения выходцы из Советского Союза.

4. В России используется более 250 языков. Но, с другой стороны, при проживающем в стране населении в 145 миллионов, на русском в мире говорят более 300 миллионов. Во многих окружающих Россию странах большинство населения русскоязычно, где-то с этим борются, а где-то на русском выступают президенты, и ведется делопроизводство. Страны с активным использованием русского языка в быту и как инструмента международного общения тоже образуют регион.

5. Кроме Евросоюза, который далеко не совпадает с Шенгенским соглашением, зоной использования евро и НАТО, в Евразии есть и другие экономические союзы. Так, Россия находится в разных экономических союзах с 5–20 странами. Например, между РФ и Казахстаном сейчас нет никаких физических, экономических, таможенных и прочих границ.

6. Политически Россия объединена с разным набором стран в СНГ, Евразийском Союзе, Шанхайской группе, БРИКС и других.

7. В религиозном отношении славянское население максимально близко ко всем ортодоксам-христианам от Греции, Армении и Грузии до Украины, Белоруссии, Болгарии, Сербии, Черногории и т.п. С другой стороны, в некоторых областях преобладающая часть населения — мусульмане. Есть три региона с преобладанием буддизма. Проживает много иудеев. Практически во всех крупных городах есть католические храмы.

Привел данный пример лишь потому, что иногда это важно для понимания и анализа, иногда притянута и политизировано. Я могу обосновать включение России в регион от Греции или Польши до Турции, Израиля, Бразилии и Монголии.

Второй важный вопрос — методология и результаты наших исследований. Мы пытаемся произвести Мировое Общественное Мнение. Но стран становится все больше. Может быть, пора переходить от суммы мнений граждан разных стран на мировые опросы через формирование макрорегиональных выборок? Может, уже пора переводить все опросы на глобальную онлайн панель? Может, пора перестать опрашивать Нигерию и ЮАР, перенося эти результаты на все Африку, а строить всеафриканскую выборку? И уже на основе таких данных описывать мировое общественное мнение. Понимаю, при таком подходе будет много инструментальных и методических проблем, но за этим ближайшее будущее.

Мне кажется, мы должны уже сейчас работать над мировой выборкой (через макрорегиональные). И это уже давно вопрос не чисто теоретический. Только в декабре 2015 года были обнародованы данные Gallup International о рейтингах популярности мировых политических лидеров. Многие мировые СМИ противопоставляли позиции Обамы и Путина в этом рейтинге. Так, в страновом разрезе

видно, что большинство стран приняли не только доминирование в финансовой, военной и экономической сфере США, но и одобряют англо-саксонские, протестантские ценности. Это в первую очередь, страны Северной и Западной Европы, Северной Америки и новые образования типа Косово. Но, если смотреть от популяции, от мнения населения Земли в целом, то оказывается, что людям ближе традиционалистские, консервативные ценности и авторитарный характер власти, в частности, воплощенный в лице российского лидера. Интересно, что этот подход поддерживают не только постсоветские страны, страны с большим населением, но и регионы с глубокими историческими корнями: Китай, Индия, Эфиопия, Греция, Бангладеш, Нигерия.

Предполагаешь ли ты, как вице-президент, проводить какие-либо мероприятия GIA в России?

Как тут не вспомнить конгресс Gallup International, который мы организовали в мае 2011 года в Москве. До сих пор подходят на встречах коллеги из Латинской Америки, Азии, Африки и благодарят за организацию и впечатления. Нам удалось убедить правление сдвинуть его проведение на майские праздники. Москва в этот период обходится без пробок. Музеи, театры, подготовка парада произвели на наших партнеров неизгладимое впечатление. Многие приехали в Россию первый раз. И мы видели в их глазах шок от увиденного масштаба, темпа жизни, русского гостеприимства.

Но был и казус. Обычно съезд открывает кто-то из официальных лиц государства. В Ирландии это был премьер-министр, в Аргентине целый день с нами провел вице-президент, в Болгарии принимал царь, в Лондоне – палата лордов, в Португалии – Баррозу. Я в Москве написал о планируемом событии в администрацию президента и мэрию, но даже не получил ответа. Ничего, сами справились. Я открывал конференцию, а ты, как, наверное, помнишь, презентовал свою книгу «Джордж Гэллап. Биография и судьба», изданную на русском и английском языках.

Если говорить о планах, то мы продолжаем проводить ежегодные встречи с нашими соседями-партнерами, развиваем региональных клиентов и, что особенно важно, начинаем продвигать общие технологии.

Наша скан-панель домохозяйств Romir Scan Panel – это наш флагман и наша гордость. Наша панель символизирует как раз тот факт, что глобальные компании не успевают за инновациями. А мы, как крупная, но частная компания, успеваем. В идее нашей панели нет ноу-хау, но есть скорость, с которой мы смогли эту идею реализовать.

Romir Scan Panel включает 25 тысяч участников, отобранных и зарекрутированных на основе городской репрезентативной выборки в городах с населением свыше 10 тысяч человек. Панелисты с помощью специального сканера, подключенного к компьютеру, сканируют штрих-коды всех товаров, которые они приобретают для домашнего потребления. Данные в режиме онлайн поступают на наш сервер. Панель позволяет понимать потребление отдельной семьи и домохозяйства. А сейчас мы внедрили мобильные сканеры, получив возможность отслеживать покупки каждого члена семьи для дома и вне дома. Мы знаем, кем, где, что, по какой цене было приобретено.

Информация, которой мы обладаем, уникальна и очень оперативна. Никто у нас в стране — ни бизнес, ни государство, ни контролирующие органы не обладает таким инструментом. И сегодня он становится очень востребованным. Клиенты ценят скорость данных, точность, их измеримость. В этом очевидное преимущество скан-панели.

И мы горды, что эта технология была признана лучшей на Innovation Day компании Procter&Gamble в 2011 году. А в 2015 году продукт на основе данных панели был признан самым инновационным среди всех агентства сети Gallup International. Для нас эта панель уже стала экспортной — мы ее сейчас устанавливаем еще в нескольких странах.

Андрей, спасибо тебе большое. Успехов и в деятельности вице-президента GIA, и руководителя РОМИР.